

ВИКТОРИЯ БАРКОВСКАЯ

ДОСТУП
В ПРОШЛОЕ ЗАПРЕЩЁН.
СЕССИЯ МАТЬ – ИСТЕКЛА

Виктория Барковская

**Доступ в прошлое запрещён.
Сессия мать – истекла**

«Литнет»

2026

Барковская В.

Доступ в прошлое запрещён. Сессия мать – истекла /
В. Барковская — «Литнет», 2026

Михаил не знал, что у него растёт дочь, которой шесть лет, и всё это время она была под опекой Насти. Настя не просто удочерила малышку — она стала для неё настоящей матерью. Узнав правду, Михаил не может оторвать взгляд от Насти. Её мягкость и безусловная любовь к ребёнку завораживают его. Он ловит себя на мысли: а что, если они могли бы стать семьёй? Вместе. Все трое. Но путь к этому «вместе» тернист. Ещё предстоит разобраться в запутанном прошлом. Но с каждым днём желание быть рядом с дочерью и Настей становится всё сильнее. Между ним и Настей постепенно возникает что-то неуловимо тёплое и хрупкое. И именно в этот момент, когда первые ростки доверия начинают пробиваться, а между Михаилом и Настей появляется взаимное притяжение, в их жизни появляется бывшая Михаила. Она заявляет права на дочь. И — что ещё неожиданнее — пытается вернуть Михаила.

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	7
Глава 3.	9
Глава 4.	12
5. Образы героев.	15
5.1.	16
Глава 6.	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Глава 1.

Откинувшись на спинку кресла, удовлетворённо выдыхаю и перевожу взгляд на монитор. Отчёт завершён, квартальный план выполнен с опережением — можно с чистой совестью заканчивать рабочий день. Тянусь к мышке, кликаю на иконку браузера и открывает «Одно-классники». Пролистываю ленту, скучно... фото с корпоратива, смешные мемы, чей-то отпуск на море...

И вдруг замираю. Один из друзей поставил лайк под фотографией Ирины. Её лицо — рыжие волосы, дерзкий взгляд, лёгкая полуулыбка — вспыхивает на экране. Воспоминания наваливаются лавиной: наша первая встреча, прогулки до рассвета, её смех, который когда-то казался музыкой... Но, к собственному удивлению, я не чувствую боли. Всё прошло. Семь лет назад она ушла, оставив после себя лишь пустоту.

Закрываю вкладку, откидываюсь на спинку кресла и делаю глубокий вдох. В кабинете тихо, слышно лишь тиканье часов на стене да отдалённый гул офисной жизни за дверью. Беру чашку с остывшим кофе, делаю глоток, морщусь — напиток совсем невкусный.

Пора домой.

Но прежде чем я успеваю встать, дверь распахивается, и в кабинет врывается она.

Она?!

Худая...

Худоба её мне никогда не нравилась, в отличие от всего остального. Она ещё более яркая, чем я запомнил, с этой неукротимой энергией, будто она не вошла, а влетела порывом ветра. Рыжие пряди выбились из причёски, глаза блестят.

Ирина.

— Миша... — начинает она, — здравствуй, Миша...

— Ты? — мой голос звучит холоднее, чем я ожидал, — что тебе нужно?

Она сглотнула, на мгновение потупила взгляд, но тут же выпрямляется:

— Семь лет назад я родила от тебя ребёнка, — выпаливает она, — и отказалась от него.

В комнате повисает тишина, нарушаемая лишь тиканьем часов на стене. Я замираю, может я вырубился от усталости и вижу дебилный сон?

— Что ты несёшь?! — только и смог сказать я.

— Миша, мне нужна твоя помощь...

— Ты... бесчувственная! Глыба льда! Эгоистка! Ты растоптала нашу любовь! Для тебя чувства — пустой звук! Ты способна лишь ломать жизни! И после того, что ты сделала, ты приходишь просить помощи, да ещё и несёшь какую-то чушь!

Ирина бледнеет, но не отступает:

— Меня заставил отец, — тихо говорит она, — ты же его знаешь! Он заставил меня выйти замуж за его компаньона. Чтобы деньги остались в семье. Я не могла сказать нет, я тогда через месяц узнала, что беременна, отец решил, что я рожу и мы оставим ребёнка в родоме.

— Что ты несёшь, Ира?!

— Он оттянул свадьбу, заявил всем, что я учусь за границей...

Я усмехаюсь, но в усмешке нет веселья:

— А теперь-то что? Опомнилась?

— Полгода назад отец и муж погибли, — её голос дрожит, — вертолёт разбился на охоте.

— Мне очень жаль, но мне это не интересно!

— А ещё мне поставили диагноз — бесплодие. Больше я не смогу иметь детей.

Я молчу, сверлю её взглядом. Внутри всё кипит, но где-то на краю сознания мелькает что-то похожее на жалость. Мелькнуло и исчезло.

— И ты вспомнила о ребёнке? — холодно спрашиваю я.

— Да, — она поднимает на меня глаза, — у меня никого нет, понимаешь? Найди мою дочь. Пожалуйста.

— Так это правда? У меня есть дочь?

— Девочка, родилась девочка...

— Как ты её назвала? — Стараюсь говорить ровно, но голос всё равно дрожит.

— Никак, — Ирина опускает взгляд, — не хотела привязываться.

Она кладёт на стол конверт.

— Здесь всё, что я знаю о ней. Верни мне её... пожалуйста...

Смотрю на неё с ненавистью, медленно беру конверт. Пальцы чуть дрожат. Провожу большим пальцем по шероховатой поверхности бумаги, словно пытаюсь понять, что внутри, прежде чем открыть.

Вскрываю конверт. Там только идентификационный браслет: фамилия матери, дата и время рождения, пол ребёнка, рост и вес.

Кручу в руке. Странные чувства. Я не знал в тот день, что рождается мой ребёнок. Боль заползает в сердце и разливается по нему.

— Это всё, что у меня есть. Прости.

Я перечитываю строки снова и снова. В груди клубится смесь эмоций: гнев, обида, ненависть — и где-то глубоко, почти незаметно, проблеск чего-то другого. Не жалости, нет. Скорее — осознания, что перед ним не расчётливая интриганка, а женщина, загнанная в угол обстоятельствами. Но... у неё был выбор!

Встаю, подхожу к окну. За стеклом — вечерний город, огни, спешащие куда-то люди. Смотрю на них, но вижу не улицы, а лицо Ирины в отражении стекла — бледное, напряжённое, с этими её рыжими прядями, выбившимися из причёски.

Возвращаюсь к столу, беру телефон и набираю номер коллеги:

— Сергей, привет. Мне нужна твоя помощь. Да, срочно. Нужно пробить данные по родному... Нет, не по тому, что в документах. По другому. Я тебе сейчас скину адрес. И ещё — проверь, были ли какие-то странные случаи передачи детей шесть лет назад. Да, именно так.

Я заканчиваю разговор, смотрю на часы. Время будто замедлилось. В голове крутятся вопросы без ответов, а перед глазами — образ рыжеволосой девочки.

Глава 2.

Я возвращаюсь с работы. Усталость наваливается тяжёлой пеленой, но ехать домой пока не хочется — нужно проветрить голову. Останавливаю машину у набережной и иду прогуляться. Слушаю, как плещется вода о камни, смотрю на тусклые огни фонарей. Мысли крутятся вокруг одного: где искать ребёнка? Ирина сказала так мало.

Внезапно слышу крик — резкий, отчаянный. Вскидываю голову и вижу: у самой кромки воды, на скользких камнях у ограждения, стоит маленькая девочка. Она наклоняется к воде, тянется к чему-то... А рядом, в нескольких метрах, мечется женщина, кричит:

— Яся! Отойди!

Срываюсь с места. Ещё секунда и девочка может оступиться. Бегу, перепрыгивая ступени, сердце стучит в висках.

— Стой! Не двигайся! — громко и чётко команду я.

Девочка замирает, испуганно оборачивается. На камнях плюшевый мишка, наполовину свесившийся в воду.

— Мой мишка... — шепчет она.

Я уже рядом. Быстро оцениваю обстановку: ограждение старое, камни мокрые после дождя, под ногами скользко. Решаю действовать — осторожно вытягиваюсь вперёд, пытаюсь дотянуться до игрушки... Но нога соскальзывает, и я с громким всплеском падаю в холодную воду.

Ледяная вода обжигает, дыхание перехватывает. Выныриваю, отфыркиваясь, крепко сжимаю в руке плюшевого мишку. Гребу к берегу, цепляюсь за камни, с трудом выбираюсь на набережную. Одежда промокла насквозь, с куртки стекает вода, волосы прилипли ко лбу.

— Вот твой мишка. Целёхонький, — улыбаюсь, протягивая игрушку.

Девочка бросается ко мне, обнимает за ногу:

— Спасибо, дядя! Вы такой храбрый!

К нам подбегает женщина — бледная, с растрепавшимися волосами. Она хватается девочку на руки, прижимает к себе, потом смотрит на меня — в глазах слёзы и искренняя благодарность.

— Спасибо... огромное спасибо. Я отвернулась всего на секунду... А Вы... вы же могли утонуть! Вам, наверное, холодно?

— Всё в порядке, — стараюсь говорить спокойно, хотя сам уже начинаю ощущать холод.

— Главное, что мишка спасён, и с ребёнком всё хорошо.

Женщина опускает девочку на землю, но та не отходит от неё.

— Вы не ушиблись? — серьёзно спрашивает она.

Смеюсь, слегка дрожа от холода:

— Вроде нет.

Делаю шаг и нога подкашивается...

Женщина это замечает, проводит рукой по волосам, оглядывает мою промокшую одежду.

— Вы же совсем замёрзли! И ногу повредили. Пойдёмте к нам домой, обсохнете. Мы тут недалеко живём, буквально пять минут. К тому же я час назад напекла пирожков — с капустой, с картошкой, с яблоками...

Делаю вид, что серьёзно обдумываю предложение, потом с нарочитой серьёзностью отвечаю:

— Ну если с капустой, то я согласен.

Девочка хлопает в ладоши и прыгает на месте:

— Ура! Пойдёмте к нам! Я покажу вам свои книжки с картинками и рисунки!

— Ну вот, теперь Вы точно не отвертитесь, — улыбается женщина.

Идём втроём вдоль освещённой фонарями набережной. Немного отстаю, чтобы отжать воду с рукава куртки. Женщина оборачивается:

— Не переживайте, всё высохнет. А пока согреетесь чаем и пирожками.

— Звучит как идеальный план после купания в реке, — шучу я.

Девочка берёт меня за руку. Маленькую ладошку в моей большой, мокрой ладони. И тянет вперёд:

— Быстрее, быстрее! А то пирожки остынут!

Какое-то странное чувство охватывает меня, словно мы давным-давно знакомы.

Ловлю взгляд женщины — она смотрит на нас и впервые за это время улыбается по-настоящему. Улыбаюсь в ответ — искренне, без всякой игры.

По дороге девочка без умолку рассказывает про свою любимую куклу, про садик, про то, как она хотела научить мишку плавать. Женщина изредка добавляет что-то, а я слушаю, киваю и время от времени потираю замёрзшие пальцы.

— Спасибо ещё раз. Правда, спасибо.

— Да ладно, — пожимаю плечами, — я просто оказался в нужном месте в нужное время.

Мы выходим на этаже, Яся бежит открывать дверь, а женщина чуть задерживается рядом со мной:

— Меня, кстати, Настя зовут, а это Яся, моя дочь.

Внутри разливается странное тепло — не от грядущего чая с пирожками, а от чего-то большего.

— Очень приятно. Михаил.

Глава 3.

Я стою в прихожей, смотрю, как Яся, сбросив курточку и сапожки, вприпрыжку бежит в свою комнату:

— Сейчас, я найду свои рисунки! Самые красивые!

Михаил неловко мнётся у вешалки, пытается стянуть промокшую куртку. Вижу, что ему трудно — рукава набухли от воды, пальцы еле шевелятся. Подхожу ближе:

— Давайте я помогу.

Он поднимает на меня глаза — в них какая-то растерянность, будто он не ожидал, что я подойду так близко. Кивает, позволяет мне снять с него куртку, потом беру его шапку — мокрую, примятую.

— Снимайте всё, — сейчас найду что-нибудь сухое.

Начинает стягивать свитер, потом останавливается на футболке — замирает, не снимает. В его взгляде читается неловкость, почти смущение.

— Быстро снимайте, что медлить? — говорю я чуть резче, чем хотела, — можете простудиться.

Он смотрит на меня, словно взвешивает что-то, потом кивает и тянет футболку вверх. Оголяет торс — и у меня перехватывает дыхание. Широкие плечи, рельефные мышцы, чёткие линии пресса... Он не просто спортивный — он сильный, мощный, и эта сила ощущается даже в том, как он стоит, чуть расставив ноги, слегка наклонив голову. Мой бывший и рядом с ним не стоял, к своим тридцати пяти годам он умудрился набрать лишних двадцать килограмм, по выходным любил пиво и чуть ли ни каждый день заставлял меня стряпать пирожки или печь торты.

Стараюсь не выдать своих эмоций, но чувствую, как теплеют щёки. Делаю вид, что очень занята: беру его футболку, свитер, джинсы.

— Я закину в машинку, — говорю, стараясь, чтобы голос звучал ровно, — она стирает, потом закину в сушку. Через пару часов всё высохнет.

Подхожу к шкафу, достаю халат бывшего мужа — просторный, тёмно-синий, с вышитыми на кармане львами. Протягиваю Михаилу:

— Не стесняйтесь, халат хоть и бывшего, но чистый. Он не успел его забрать.

Михаил берёт халат, кивает:

— Спасибо.

Смотрю, как он идёт в ванную, и не могу оторвать взгляд. Широкая спина, сильные руки, уверенная походка... В груди что-то сжимается — странное, давно забытое чувство. Я ведь решила, что больше мне мужчины не нужны. После того, как муж изменил, предал, я поклялась себе: никаких отношений, только я и Яся. Никаких надежд, никаких ожиданий.

А сейчас... Сейчас я ловлю себя на мысли, что мне нравится этот вид. Нравится этот мужчина. Его спокойствие, его сила, даже эта неловкость, с которой он раздевался. В нём нет ни капли напора, ни капли той самоуверенности, что так раздражала в бывшем. Михаил другой. И от этого внутри всё переворачивается.

Закидываю его вещи в стиральную машину, запускаю программу. Руки чуть дрожат, но я стараюсь сосредоточиться на деле. Ставлю чайник, достаю пирожки, раскладываю их на тарелке, нарезаю сыр, достаю мёд. Хочу, чтобы было уютно, сама не знаю зачем.

Пока чайник закипает, иду к двери ванной, тихо спрашиваю:

— Всё в порядке?

Ответа не слышно, но через минуту дверь открывается, и Михаил выходит в халате. Он выглядит... по-домашнему. Не как гость, а как кто-то, кто давно здесь живёт.

— Неплохо, — улыбаюсь я.

— Спасибо, — кивает он.

Мы с Ясей уже переоделись в домашние пижамы — у дочки розовая, в звёздочках, у меня голубая, с тонкими полосками. Бывший муж говорил, что она меня стройнит. Из-за этой стряпни я тоже набрала немного лишних килограммов.

Я разливаю чай, Михаил садится за стол, берёт пирожок, откусывает, жуёт.

— Вкусно, — говорит жуя, — очень вкусно.

В этот момент вбегает Яся с папкой рисунков:

— Вот! Смотрите, дядя Миша! Это я сама рисовала!

Она раскладывает листы на столе, тычет пальчиком:

— Это наш дом, это мама, это котик, которого мы видели во дворе, а это... это Вы! Я вас нарисовала, пока вы с мамой разговаривали!

Михаил берёт рисунок, рассматривает его внимательно, чуть склонив голову набок.

— Яся, ты отлично рисуешь, — говорит он серьёзно, но с улыбкой, — у тебя настоящий талант.

— Да, — подхватываю я, — я подумываю отдать её в художественную школу. У неё и правда хорошо получается, она всё время что-то рисует, придумывает...

Яся расцветает от похвалы, начинает показывать другие рисунки — ещё более яркие, ещё более живые. Михаил слушает её, задаёт вопросы, уточняет детали. А я смотрю на них и чувствую, как внутри что-то тает. Что-то холодное, жёсткое, что я хранила в себе после развода. Сейчас оно отступает, уступая место чему-то новому — тёплому, светлому, почти забытому.

Я смотрю, как Яся уплетает пирожок, запивая его чаем, и чувствую, как внутри разливается тепло. Михаил улыбается ей, кивает в ответ на её восторженные рассказы о садике, рисунках и котике, которого мы видели вчера во дворе. В этот момент всё кажется таким... правильным. Будто мы уже давно знакомы, будто это не первый наш вечер вместе.

Покормив Ясю, я быстро укладываю её спать. Она сначала протестует — хочет ещё поговорить с Михаилом, показать ему все свои книжки, рассказать ещё десять историй, — но усталость берёт своё. Через десять минут её глаза уже слипаются, а голос становится всё тише.

— Спокойной ночи, солнышко, — шепчу я, целуя её в лоб, — спи крепко.

— И дяде Мише спокойной ночи, — сонно бормочет Яся.

— Передам, — улыбаюсь я.

Возвращаюсь в гостиную. Михаил сидит за столом, крутит в руках чашку с остывшим чаем. Поднимает глаза на меня:

— Уснула?

— Да, — киваю я, сажусь напротив, — она быстро засыпает, когда устанет.

Он молчит несколько секунд, потом взгляд его падает на халат.

— А это... — он чуть касается рукой рукава, — бывшего мужа?

Внутри что-то сжимается. Я отмахиваюсь, будто вопрос неважен:

— Да, его. Он не успел забрать. Мы развелись.

— Сожалеешь? — осторожно спрашивает Михаил.

— Нет, — отвечаю твёрдо, — ни капли. Полгода назад он вернулся с работы и сообщил мне, что уходит к другой. Что она беременна от него и у него наконец будет настоящая семья.

Михаил хмурится:

— А вы... не настоящая?

Замираю на мгновение. В горле встаёт ком, но я заставляю себя говорить ровно:

— Яся не его дочь. Наша дочка умерла при родах. Врач в роддоме предложила мне забрать девочку, от которой отказалась мать. Я согласилась. Не могла понять тогда — и до сих пор не могу, — как можно отказаться от своего ребёнка. И я её забрала. Хотя муж и был сильно

против. Он так и не принял Ясю. Не записал на себя. Больше забеременеть не получилось. А полгода назад просто бросил нас.

Голос дрожит на последних словах, и я опускаю глаза, чтобы Михаил не увидел, как наворачиваются слёзы. Стараюсь дышать ровно, сосредоточиться на узоре скатерти, на запахе остывшего чая, на тиканье часов в углу — на чём угодно, только не на этой боли, которая снова оживает в груди.

Михаил слушает молча, но я чувствую его взгляд — внимательный, серьёзный. Когда я заканчиваю, он резко выдыхает:

— Твой муж болван. Моральный урод. Недостойный человек.

В его голосе столько искреннего негодования, что мне становится легче. Будто кто-то наконец назвал вещи своими именами.

Но тут же Михаил замолкает, словно что-то вспомнил. Его лицо на мгновение меняется — будто перед глазами проносится какая-то картина, которую он не хочет показывать.

— Что с вами? — спрашиваю я.

— Да ничего, — он трясёт головой, будто отгоняя мысли, — так, вспомнил кое-что. Надо будет проверить... а сколько Ясе лет?

— Семь...

Пауза длится несколько секунд. Потом он смотрит на меня и вдруг говорит:

— Может, перейдём на «ты»? Так будет проще.

— Да, конечно, — киваю я, — давай.

В этот момент раздаётся сигнал сушилки — вещи высохли. Я встаю, иду к ней, достаю тёплые, почти сухие вещи и закидываю куртку, джинсы, шапку и носки.

— Сейчас посушим верхние вещи, — говорю, закидывая их, — через час будут готовы.

Вожусь с машинкой, потом иду проверить Ясю. Возвращаюсь...смотрю на него — спит.

Лицо расслабленное, на чуть подрагивающие ресницы, на то, как ровно поднимается и опускается грудь. Накрываю его пледом, осторожно, чтобы не разбудить.

Стою ещё несколько минут, любясь тем, как спокойно он спит. В груди разливается странное чувство, будто что-то важное только что произошло.

Тихо иду в свою комнату, но перед сном ещё раз заглядываю в детскую. Яся спит, раскинув руки, улыбка застыла на губах. Подхожу, поправляю одеяло, целую в макушку.

Возвращаюсь в гостиную, ещё раз проверяю, удобно ли Михаилу. Он чуть ворочается, но не просыпается. Улыбаюсь сама себе и иду спать.

Глава 4.

Просыпаюсь резко, будто от толчка — открываю глаза и несколько секунд не могу понять, где я.

В комнате полумрак, на улице ещё темно. Смотрю на часы в телефоне: семь ноль ноль.

Улавливаю запах — густой аромат сваренного кофе, запах поджаренных тостов, нотки чего-то сладкого... В животе заурчало.

Вспоминаю, как вчера я прилёг на диван. Потом я очевидно уснул. Прямо на диване.

Сажусь, провожу рукой по лицу. Да, точно, я у Насти. Немного стыдно. Работал без выходных, наверное, поэтому вырубился так быстро. Усталость накопилась, а тепло и уют сделали своё дело.

Встаю, потягиваюсь — спина не болит, хотя спал на диване. Удивительно, но выспался отлично. Иду на запах еды — ноги сами ведут на кухню.

Настя стоит у плиты, помешивает что-то в тарелке. На ней домашний халат, волосы собраны в небрежный пучок, несколько прядей выбились и падают на лицо. Она поворачивается, видит меня и улыбается — так открыто, так тепло, что внутри что-то тает. Сердце?

Впервые за долгие годы мне по-настоящему нравится женщина. Не просто «симпатичная», не «интересная собеседница» — а вот так, до замирания сердца. До мысли: «Как же хорошо, что я здесь».

— Доброе утро, — говорю я.

— Доброе, — отвечает она, — как спалось?

— Отлично, — искренне отвечаю я, — даже не думал, что на диване можно так хорошо выспаться.

— Значит, устал сильно, — мягко замечает она, — не хотела будить.

Усаживаюсь за стол. Настя ставит передо мной чашку дымящегося кофе, тарелку с тостами и пирожками, салат из свежей зелени.

— Одежда высохла, висит в прихожей.

— Спасибо тебе за всё. За гостеприимство, за плед...

Она смеётся, и этот смех звучит так легко, так естественно, что и мне становится легко.

— Яся ещё спит, — говорит Настя, наливая себе кофе, — она обычно до девяти дрыхнет.

Мы завтракаем. Ем и понимаю, что давно не чувствовал себя так спокойно. Будто всё на своих местах.

— Я тоже хочу вас отблагодарить. Приглашаю в субботу к друзьям на дачу, на шашлыки.

Настя задумывается на секунду, потом улыбается:

— С удовольствием. Думаю, Ясе тоже понравится.

— Отлично! — я чувствую, как внутри разливается радость, — тогда в субботу в девять заеду за вами.

— Договорились, — кивает она.

— Отлично! — Я чувствую, как внутри разливается радость, тёплая и лёгкая.

После рабочего дня.

Я закрываю дверь машины, собираюсь завести двигатель — и тут боковое стекло опускается, а на переднее сиденье буквально запрыгивает Ирина. Рыжие волосы, ярко-красные губы, пальто в тон — она будто специально выбирала цвет, чтобы бросаться в глаза.

— Ты что творишь? — резко оборачиваюсь я, стараясь сдержать раздражение, — вылезай из машины. Немедленно.

Она устраивается поудобнее, поправляет волосы, улыбается так, будто мы невиделись пару дней, а не несколько лет.

— Миша, нам нужно поговорить.

— У нас с тобой нет тем для разговоров. Вылезай.

Но она будто не слышит. Продолжает улыбаться, смотрит на меня своими зелёными глазами — когда-то я считал их красивыми. Теперь они кажутся мне слишком яркими, слишком искусственными. Наверное потому, что она подчёркивает их цвет цветными линзами.

— Я знаю, ты ищешь дочь, — говорит она, — нашёл?

Внутри всё сжимается. Я вспоминаю Ясю — её каштановые волосы, доверчивый взгляд. Нет... не может быть... Наверное, совпадение. Просто совпадение.

— Это не твоё дело, — отвечаю холодно. — Уходи. Я не собираюсь ничего тебе рассказывать.

Ирина наклоняется ближе, кладёт руку на моё плечо. Отдёргиваюсь.

— Миша, прости меня, — её голос становится тише, мягче, — я была неправа. Я так виновата перед тобой. Я всё это время думала о тебе. Я люблю тебя.

— Любовь? — я не могу сдержать горького смеха, — ты бросила меня ради какого-то бизнесмена с деньгами. Это не любовь, Ира. Это расчёт.

Она отдёргивает руку, но не сдаётся.

— Я ошиблась. Поняла это слишком поздно. К тому же отец давил на меня. Но теперь я всё осознала.

Я хочу быть с тобой. И с нашей дочерью.

Меня начинает трясти от злости. Сжимаю руль так, что костяшки белеют.

— Нашей дочери? — повторяю я, — у тебя нет дочери! Ты отказалась от неё, Ира. Ты не мать ей. Ты просто её родила.

Её лицо на мгновение искажается, но она быстро берёт себя в руки. Снова эта улыбка — натянутая, фальшивая.

— Я была молода, глупа, — шепчет она, — боялась отца, но теперь я изменилась. Я готова быть хорошей матерью. Я хочу всё исправить.

— Исправить? — я поворачиваюсь к ней полностью, смотрю прямо в глаза, — как? Ты хочешь вернуться ко мне, потому что вдруг поняла, что я — «надёжный вариант»? Или потому что твой богатый любовник вдруг решил умереть?

Она краснеет, но не от стыда — от злости. Но быстро берёт себя в руки, снова делает вид, что растрогана.

— Мне не нужен никто, кроме тебя, — говорит она почти шёпотом, — я люблю тебя, Миша. Всегда любила. Просто боялась отца.

— Хватит, — отрезаю я, — прекрати эту игру. Ты не умеешь любить. Ты умеешь только брать. Брать, пока это выгодно. А когда перестает быть выгодным — бросаешь. Так ты бросила меня. Так ты бросила нашу дочь.

Ирина молчит несколько секунд. Потом её голос снова становится мягким, почти умоляющим:

— Дай мне шанс. Всего один шанс. Я докажу тебе, что изменилась. Я буду хорошей женой, хорошей матерью. Мы будем семьёй. Настоящей семьёй.

— Ты опоздала. На семь лет...

Ирина хмурится. В её глазах мелькает что-то — то ли ревность, то ли обида, то ли злость.

— Ты нашёл кого-то? — спрашивает она, — кто она?

— Это не имеет значения, — отрезаю я, — важно то, что я больше не верю тебе. Ни единому твоему слову. Ни единой слезе. Ни одной улыбке. Ты исчерпала все шансы, Ира. Много лет назад.

Она молчит. Потом вдруг резко выпрямляется, откидывает волосы назад. Её лицо снова становится жёстким, уверенным.

— Ты передумаешь, я не верю, что ты меня разлюбил, просто ты злишься. Ты найдёшь нашу дочь и мы будем вместе, ты поймёшь, что ещё любишь меня.

— Нет, — отвечаю я твёрдо, — ты не имеешь никакого права на дочь. Ты отказалась от этого права, когда отказалась от неё. Мне пора, освободи машину.

Ирина встаёт, открывает дверь машины. На секунду оборачивается:

— Позвони мне, когда найдёшь её.

Она хлопает дверью и уходит, цокая каблуками по асфальту. Я смотрю ей вслед, пока она не скрывается за углом. Внутри — ни капли сожаления. Только облегчение. Будто сбросил тяжёлый груз, который таскал годами.

Завожу двигатель, выезжаю со стоянки. Мысли возвращаются к Ясе. Её улыбка, её голос, как она хватала меня за руку и тащила к дому. Нет, это не может быть она. Не может. Но что-то внутри меня не отпускает эту мысль.

Телефон вибрирует — сообщение от моего следака: «Архивы подняты, информация будет готова завтра утром». Киваю сам себе. Завтра. Завтра я узнаю правду. И тогда решу, что делать дальше.

5. Образы героев.

5.1.

Я иду рядом с Настей по парку, вдыхаю морозный воздух и стараюсь не показывать, как меня выбивает из колеи её близость. Она чуть впереди, потом замедляет шаг, подстраивается под мой, улыбается — и от этого становится ещё сложнее держать себя в руках.

— Никогда бы не подумала, что у тебя есть дети, — говорит Настя, и от её приятного женского голоса что-то внутри отзывается, будто пробуждается какая-то древняя, почти животная реакция.

Я на секунду теряюсь.

— Я тоже! — отвечаю резко, потом, помолчав, вздыхаю, — никогда бы не подумал...

— А где они? — спрашивает она просто, без осуждения, но вопрос бьёт точно в цель.

— Она... — запинаясь, — сам бы хотел знать.

Настя молчит, ждёт. Чувствую, как во мне поднимается волна раздражения — не на неё, а на ситуацию, на прошлое, которое никак не отпускает.

— Вы не общаетесь? — снова спрашивает она, мягко, осторожно.

Что ей ответить? Как объяснить, что всё не так просто? Пока я подбираю слова, она задаёт следующий вопрос — будто сама за меня додумывает худшее:

— Мужчины часто не выдерживают рождение детей и уходят...

— Я никого не бросал! — отвечаю грубовато, резче, чем хотел. И тут же добавляю, сам не понимая зачем: — женщины тоже бросают детей!

Вспоминаю свою бывшую — её холодный взгляд на прощание тогда, семь лет назад.

Настя замолкает. Вижу, как она слегка хмурится, будто пытается понять, что скрывается за моими словами.

Мы идём дальше, и вдруг замечаю, что асфальт под ногами блестит подозрительно ровно. Гололёд.

— Осторожно, тут скользко, — предупреждаю я, но поздно.

Настя делает шаг, её нога подворачивается, она вскрикивает и начинает падать. Рефлекторно бросаюсь к ней, вытягиваю руки, пытаюсь подхватить — но поверхность слишком скользкая. Мы оба теряем равновесие.

Время будто замедляется. Я успеваю подумать только о том, чтобы она не ударилась головой об лёд. Резко разворачиваюсь, подставляю плечо, чуть сгибаю колени — и в итоге падаю спиной, принимая удар на себя. Настя оказывается сверху, её руки упираются мне в грудь, наши лица в считанных сантиметрах друг от друга.

— Ой... Прости! — шепчет она, дыхание сбито, глаза широко раскрыты.

Я чувствую её мягкое тело на себе, придерживаю руками за талию, невольно ощупываю упругую попу — и ловлю себя на мысли, что, чёрт возьми, кайфую от этих ощущений. Её волосы слегка щекочут моё лицо, запах духов смешивается с морозным воздухом. В голове — пустота и одновременно миллион мыслей: «Как же она красива... Как близко...»

Мне очень хочется её поцеловать. Просто взять и прижаться губами к её губам — так, чтобы забыть всё: и боль в ноге, и прошлое, и все эти проблемы. Но я сдерживаюсь.

— Всё в порядке? — спрашиваю хрипловато.

Она кивает, пытается встать, я помогаю ей подняться. При этом чувствую резкую боль в ноге — той самой, которую разбил, когда доставал из реки медвежонка.

— Больно? — Настя замечает, что я прихрамываю.

— Ничего страшного, — машу рукой. Пойдём?

Мы медленно двигаемся дальше. Я стараюсь не показывать, что нога болит сильнее, чем хотелось бы. В голове крутятся мысли о дочке — она живёт в приёмной семье, и мне придётся бороться за неё. Возможно, даже судиться с её приёмными родителями.

«Вот было бы хорошо, если бы Яся была моей дочкой...» — мелькает мечтательная мысль. Но я тут же отмахиваюсь от неё. Так бывает только в сказке.

Телефон вибрирует в кармане. Достаю. Мой следак. Отвечаю.

— Через час в кафе у набережной...

— Да, — отвечаю коротко, — буду.

Отключаю звонок, бросаю взгляд на Настю. Она смотрит на меня вопросительно.

— Проблемы? — спрашивает тихо.

— Разберусь, — улыбаюсь, стараясь, чтобы улыбка не выглядела натянутой, — у меня встреча, провожу домой?

Она кивает.

Глава 6.

Я сижу в ресторане, слушаю следователя — и мир будто раскалывается пополам.

— Выяснил кое-что любопытное, — говорит он, — Настя тоже рожала в том же роддоме, что и твоя бывшая. И... её дочь уме

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.